

Западнорусский анабасис Ксенофонта Говорского

Александр Котов

West-Russian anabasis of Xenophon Govorsky

Aleksandr Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016243-8

В ряду пореформенных русских публицистов Ксенофонт Антонович Говорский (1811—1871) занял незавидное крайнее правое место. Основанный им в 1862 г. «Вестник Юго-Западной и Западной России» (с сентября 1864 г. «Вестник Западной России»), по словам А.Н. Пыпина, руководствовался «самыми истребительными намерениями относительно всего польского»¹. Для современного исследователя этот журнал, наполненный «сомнительного качества публикациями», прежде всего — «трибуна наиболее интолерантной полонофобии»². Несколько более рельефно его характеризовал белорусский национал-социалист начала XX в. А. Цвикевич. Видя в редакторе «дрэнного гаспадара» и белорусского «адбітка Магніцкага и Руніча», идеолог «коренизации» признавал научное значение изданных в нём источников по истории русских земель Речи Посполитой³. Таким образом, позднейшая историография не слишком далеко ушла от оценок, данных современниками, — за редким исключением людьми весьма пристрастными. Скрытый за этими ярлыками реальный образ, конечно, далёк от идеала, но всё же чуть более сложен и интересен.

К моменту основания журнала перешедший в православие униат Говорский уже получил известность как учёный и редактор⁴, которого, по свидетельству могилёвского архиепископа Анатолия (Мartiновского), ненавидели «ксёндзы» и «фанатики-помещики». Как писал владыка, «для всякого теперь в Витебске очевидно, что враги отечественной Церкви всеми мерами гонят Говорского, всеусильно стараясь, чтобы он ни в каком ведомстве не получил

© 2021 г. А.Э. Котов

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.», проект № 19-18-00073.

This research was supported by the grant № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries» of the Russian Science Foundation.

¹ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892. С. 95.

² Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 284.

³ Цвiкeвiч А. «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі у XIX і пачатку XX в. Мінск, 1993. С. 40, 52, 100.

⁴ Алексеев Л.В., Богданов В.П. Историография: западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении. М., 2019. С. 159—162; Сороко С.М. Ксенофонт Говорский в «Витебских губернских ведомостях» // Проблемы истории литературы. Вып. 13. М., 2001. С. 188—198.

места, а особенно, чтобы он не мог быть хранителем архива, заключающего в себе неисчерпаемый источник для истории Белоруссии»⁵.

Создавая «Вестник», Говорский не скрывал своих намерений: «Встречая у многих польских публицистов разные придуманные, будто бы исторические, изыскания насчёт народности польской, которую они навязывают чисто русским провинциям Западного и Юго-Западного края России, и имея в виду, что во многих наших архивах находятся богатые исторические документы, могущие послужить к совершенному разоблачению этих ложных толков, против коих почти никто ещё не возражал и которые чрез это могли заслужить авторитет истины не только между народами Западной Европы, но и между обитателями вышесказанных наших русских провинций, я решился предпринять издание в г. Киеве журнала... с целью опубликовать интересные документы и акты, с присовокуплением основанных на них исторических и других статей, разъясняющих русскую народность, и вообще разоблачать ложь польских выпадов против России историческими указаниями»⁶.

При поддержке митрополита Арсения (Москвина) и товарища обер-прокурора статс-секретаря кн. С.Н. Урусова программа журнала в начале 1862 г. была утверждена Святейшим Синодом⁷. Чтобы оказать ему финансовую поддержку, обер-прокурор даже распорядился выписать 170 экземпляров для духовно-учебных заведений⁸.

В «Вестнике» развивались и популяризировались концепции М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова, признававших Западный край исконно русским. «Очевидно, — писал постоянный автор журнала И.Г. Кулжинский⁹, публиковавшийся ранее в не менее одиозном «Маяке», — что так называемое великое княжество литовское было не что иное, как *великое княжество русское* (здесь и далее сохранены особенности орфографии цитируемых текстов, включая и выделение слов курсивом. — А.К.), состоявшее из русских областей, населённое русским народом православного исповедания и состоявшее хотя под властью князей литовского происхождения, но уже принявших православную веру, литвинов язычников... было в этом русском княжестве весьма не много, едва одна двенадцатая часть». Уже поэтому «*Литовская Русь*, по естественному взаимному друг к другу влечению однородных частей, рано или поздно должна была возвратиться к первобытному соединению с *московскою Русью*. А как сама Польша усиливалась связать свою судьбу с судьбою литовской Руси и составить с нею одно тело, то из этого и вышло естественное следствие, что и Польша должна была неминуемо, вслед за литовскою Русью, войти в состав одной державы всероссийской, — каковое событие совершилось не скоро, но после многих, кровавых недоразумений. Вопиать теперь против этого события, значит — вопиать против законов природы и истории»¹⁰. Источником же русской цивилизации провозглашался, разумеется, «наш родной Сион» — Киев¹¹.

⁵ Из посмертных бумаг могилёвского архиепископа Анатолия Мартиновского // Киевская старина. 1884. № 6. С. 220.

⁶ ОР РНБ, ф. 377, д. 597, л. 1—1 об.

⁷ РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 300, л. 14 об.

⁸ ОР РНБ, ф. 608, оп. 1, д. 4772, л. 1 об.—2.

⁹ Котов А.Э. «Заветные принципы» Ивана Кулжинского // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2021. № 1. С. 3—24.

¹⁰ Кулжинский И.Г. О соединении Польши с Россиею // Вестник Юго-Западной и Западной России (далее — ВЮЗР). 1863. Февраль. Отд. 1. С. 30, 32.

¹¹ Значение Киева для России // ВЮЗР. 1862. Июль. Отд. 4. С. 18.

Во время польского восстания 1863 г. в «Вестнике» резко осуждали попытки дипломатического давления на империю. Говорский сетовал на то, что, «не имея законной причины объявить России открытую войну и опасаясь за её результаты, Западная Европа тем не менее ведёт с нами уже около 8 месяцев войну скрытую, коварную, выходящую не только из принятых форм политики, но и стоящую вне законов чести и условий международных отношений». Защита мятежной Польши казалась публицисту лишь надуманным предлогом: «Угнетения Россией поляков так воображаемы, что их странно было бы сравнивать с известными нам угнетениями Европой слабейших и невиннейших собратий... Ведь Европа весьма легко могла проверить те факты, что с нами режется значительное меньшинство поляков, что, несмотря на все инквизиционные приёмы терроризма, даже в самой Польше народ не на стороне бунтующих, что он составляет сельские ополчения, сотнями присоединяется к русским отрядам и вместе с ними громит мятежников, что не только русские обитатели Литвы, Белоруссии, особенно Малороссии, насколько могут, способствуют к подавлению бунта, но даже католическая — до фанатизма — Жмудь вооружилась против бунтовщиков, что соседние к Литве жители Польши просят генерал-губернатора М.Н. Муравьёва принять их под свою защиту и покровительство, что огромные массы мирных дворян польских наводняют Киев, Вильно, Варшаву — вообще места, где они безопасней от действий подземного “народного правительства” с его жандармами и где крепче гарантирована их свобода и имущество»¹².

Реальную причину возникшего кризиса Ксенофонт Антонович усматривал в том, что «в России всё как-то не по вкусу Европе: и её посильное отстранение от европейской цивилизации, и её православие, и индивидуальность духа народного, и её самодержавие, и славянство. Европа не может простить России ни её громадности, ни её строя гражданского, ни невозможности навязать ей свой язык, свою религию, свою конституцию, подчинить её галло-германскому элементу, отбросить в Азию. Теперь, когда к нашему росту внешнему присоединилась сила внутренняя, когда посредством благодетельных реформ Россия обновилась, переродилась, стала на пути к величию нравственному, когда теснимые чуждыми народностями славянские племена начали чаще и пристальней устремлять свой взор просительный на единоплеменную Россию, Европе было от чего призадуматься: к чувству зависти присоединилось чувство опасения, она начала трепетать за Восток, пугать себя панславянизмом, будущими завоевательными планами России»¹³.

Предстоявшая борьба не страшила Говорского: Россию защищали Бог и «наша собственная сила громадная, наше единодушие неодолимое, наши военные сродства необъятные». Поэтому врагам делалось горделивое предостережение: «Не задевай же, Европа, сильного, пока он спокоен и тебя не задевает! Иди себе своей дорогой и не мешай нам идти своею! Угодно тебе оставить Россию *изолированной*, мы тужить не станем, мы даже скажем тебе сердечное спасибо за услугу, ты только сделаешь с нами то, что давно пора бы сделать нам самим. У нас так мало общего с тобою, что мы ровно ничего не потеряем от разединения с тобою. Даже наша народность, наше православие, народное богатство сделаются прочнее, чище, шире, если они не будут ослабляемы,

¹² Кое-что по поводу вмешательства Западной Европы в дело польской революции // ВЮЗЗР. 1863. Июль. Отд. 3. С. 7—9.

¹³ Там же. С. 21.

оскверняемы, расточаемы влиянием твоего космополитизма, индифферентизма и суетности. У нас, благодаря Провидению, так много всего *необходимого* на потребу человека, что крупницами, падающими от трапезы нашей, мы можем продовольствовать полмира»¹⁴.

В свою очередь, Кулжинский объяснял противостояние с Западом религиозными причинами: «Против восточного православия все: и мусульмане, и католики, и протестанты. Колеблемая со всех сторон восточная Церковь нашла себе подпору только в православной России; могут ли после сего любить Россию западные европейцы?». По словам публициста, «недаром Русь называется *святою*, так как Франция называется — прекрасною (*la belle France*), Германия — учёною, а Англия — промышленной. *Святость* — вот цель русской образованности, цель высокая и прекрасная!». Поэтому «науки, художества, ремёсла русский человек охотно перенимает у иностранцев; но образа иностранной жизни, иностранных убеждений, верований и обычаев он не торопится усвоить себе, и остаётся своеобразным, самобытным *русским человеком*, с своим собственным, православным взглядом на предметы. Такая национальная русская образованность не сходится с западною образованностью. Одно из двух: западная образованность или должна преклониться пред русскою, или ненавидеть её и враждовать против неё. А как последнее гораздо легче, то вот западные европейцы и называют русских “варварами”, и клеветуют на них, и хотели бы даже развратить их»¹⁵.

В журнале регулярно перепечатывали материалы из «Дня» и «Московских ведомостей». Однако Говорский напоминал читателям о своих заслугах в деле «русских протестов против затей, клевет и притязаний старых *приятелей* наших — поляков». Он уверял, что «честь этой инициативы бесспорно принадлежит “Вестнику”», поскольку «зоркость “Вестника” возвысила его очень рано до понимания характера всех этих явлений, до способности предвидения катастрофы»¹⁶.

Несмотря на известную близость к славянофилам и почвенникам, Говорский порою вступал в полемику и с ними. Так, он грубо раскритиковал знаменитую статью Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», в которой увидел апологию полонизма. «Мы привыкли, — возмущался Ксенофонт Антонович, — к космополитизму некоторых наших органов, к либерализму и нигилизму некоторых собратий наших, обративших зародыши свободного русского слова в самое дикое буйство и самоволие; мы не раз готовы были и смеяться и плакать, прислушиваясь к раздирательному концерту наших либералов, наших недоучившихся публицистов, словно державших конкурс по части геростратовских подвигов глумления над всем, что составляло доселе основу силы и славы человеческих обществ вообще и России в особенности; но, признаемся откровенно, нашего слуха и сердца не поражали ещё такие грубые диссонансы строю нашей жизни, какими прозвучал “Роковой вопрос”, мы ещё не видали такого цинического, такого зверского ковырянья в язвах своей жертвы, каким обессмертил себя автор этой статьи и журнал, осмелившийся приютить её на своих страницах и, быть может, умышленно посягнувший, в отчаянии, на самоубийство». Особое негодование у редактора «Вестника» вызвало противопоставление высокой польской и слабой русской цивилизаций. «У поляков, — утверждал он, —

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Кулжинский И.Г. Святая Русь // ВЮЗЗР. 1863. Июль. Отд. 4. С. 9—11.

¹⁶ Слово русского к мятежным полякам // ВЮЗЗР. 1863. Сентябрь. Отд. 3. С. 45.

никогда не было *истинной* цивилизации, а только был ряд заблуждений и выродившихся от них нестроений и несчасть, кончившихся политической смертью организма, дошедшего до самоубийства путём отчуждения от жизни окружающего её человечества и оскудения всех элементов самобытной жизни». Польша, по мнению Говорского, «переняла от запада только элементарную часть просвещения», поэтому «высокая культура поляков, которой так часто бредит наш *русский*¹⁷ лунатик, есть химера»¹⁸. Столь же мнимым оказывалось «варварство русских», так как «со времён Алексея Михайловича Россия является если не с блистательною цивилизациею Запада, то скромною, но надёжною цивилизациею православного общества, с прочным государственным строем, крепким законодательством, замечательным, судя по времени, административным механизмом, заметным влиянием на дела Польши и других соседних держав, возвратом юго-западной сестры России в семью родную». По словам публициста, правление «великого героя полтавского, пред которым трепетала Швеция и Польша, которому удивлялась Европа, есть такое царствование, которому подобного не может противопоставить дикая и беспутная цивилизация Польши». Последовавший же в XIX в. культурный и общественный подъём России Говорскому было «совестно даже сопоставить... с невежеством Польши». Таким образом, заявлял он, «борьба поляков с Россией точно есть борьба цивилизации с варварством... только лишь в обратном смысле, т.е. что варвары поляки режутся с цивилизованною Россией»¹⁹.

В итоге будущему защитнику русского национализма от нападок В.С. Соловьёва выносился суровый приговор: «Читая эти и подобные им фразы, крепко хочется видеть в них неудачный, подстрочный перевод с польского или, по крайней мере — предположить в авторе “Рокового вопроса” большее знакомство с грамотностью польскою, нежели русскою. Если ж это предположение не имеет фактической верности, то мы утешим себя тем, что, кроме трёх-четырёх *изверженностей* земли русской, кроме трёх-четырёх выроdkов, выделившихся из нашей семьи и заклеимённых *всероссийским* презрением, едва ли найдётся между 53 миллионами русских и 5 уродов, которые *сполна* разделяют убеждения автора “Рокового вопроса”, прикрывшего свою бесчестную личность честным именем *русского*. Причина этой трусости понятна. Псевдо-русский думал, что за беспримерное преступление он может подвергнуться примерному наказанию. Он думал, вероятно, что *русские* соберутся, как один человек, в одно место, привяжут его к позорному столбу, что каждый русский подойдёт к нему, плюнет ему с проклятием в лицо, и он утонет, наконец, в луже *русской* слюны. Мы думаем, что трус преувеличил идею о русской мести и слишком пластично представил в больном воображении способ ей проявления; мы думаем, что все русские отворотились бы от него с презрением и сказали: ты не наш, у нас нет ничего общего с тобою, — будь ты анафема!»²⁰.

Разошёлся «Вестник» в 1863 г. и с аксаковским «Днём». Правда, открыто они спорили лишь о бытовых традициях и, в частности, о малороссийских свитках, в которых Аксаков усматривал поэзию национальной самобытности, тогда как редакция «Вестника» полагала, что народный костюм «удобен и выгоден», но «смешно даже сказать», будто он «эстетичен и поэтичен». Говорский

¹⁷ Статья Страхова была подписана псевдонимом «Русский».

¹⁸ Русские. Роковой вопрос // ВЮЗЗР. 1863. Июнь. Отд. 3. С. 89—90, 95, 134.

¹⁹ Там же. С. 125, 128, 133.

²⁰ Там же. С. 137—138.

считал, что «всякий народ, придерживающийся своих одиноких, обветшалых прадедовских костюмов и обычаев (каковы, например, китайцы и им подобные), словно окаменевают и не подвигается вперёд ни на шаг в своём развитии, и рутина вместе с костюмом господствует у него неподвижно»²¹. Скептически отнеслись в «Вестнике» и к перспективам украинского языка. При этом Говорский и его сотрудники ссылались на настроения, преобладавшие будто бы среди малороссийского простонародья. «Несколько лет тому назад, — писали они в Галицию, — была попытка со стороны духовенства (по предписанию Св[ятейшего] Синода) говорить в церквах поучения на сем наречии, но народ, хорошо понимающий язык общерусский, считающий его языком облагороженным, оскорбился было этою попыткою: в самом начале поучений оставлял церкви и даже, при проезде по епархии архиереев, жаловался им на тех священников, которые, как будто бы в насмешку над ним стали поучать мужицким говором»²².

Между тем журнал, пытавшийся говорить от имени широких масс, особой популярностью не пользовался. Дела его шли плохо. Уже осенью 1863 г. Говорский взывал к кн. Урусову: «Вот уж год, как “Вестник” борется с врагами нашей веры и народности, вот уж год, как я истощаю свои силы в битве с открытыми супостатами и затеями скрытой местной пропаганды, утомившей меня едва ли не меньше врагов наших. К этим врагам — сильным и количеством, и неутомимостью, — присоединился третий союзник; я разумею то безвыходное стеснение “Вестника” материальными средствами, которое, на радость врагов России, поставило его на краю гибели. Положение моё неописанно: все сотрудники мои выбились из сил, я потерял всё моё состояние и вошёл в ужасные долги, 1-я книжка “Вестника” содержится под арестом в типографии, и я не знаю, как и когда её вырuchu, я не имею возможности гарантировать труды лучших сотрудников, и они один за другим оставляют “Вестник”. Понадеявшись на обязательную подписку для западного и юго-западного духовенства, я печатал “Вестник” в количестве 3 000 экземпляров, и у меня осталось более 1 000 экз[емпляров], которые, мимо разорения по изданию, потребовали найма двух лишних комнат для их помещения. Мне уже отказывают пускать в ход бумагу; враги наши всё это видят и торжествуют близкое падение страшного врага их. Ваше сиятельство! К Вам, к Вашей патриотической энергии, к Вашему благородному сердцу обращается предсмертный вопль “Вестника”! Своим великодушием, своею могучею властью, своею близостью к всемилостивейшему русскому монарху — спасите от гибели то издание, которое, при лучшей доле, много могло бы оказать пользы интересам России и падение которого уже не может совершиться без ущерба нашей веры и народности»²³.

Редактор просил князя повторить синодальный указ об обязательной подписке и приобрести нераспроданную часть тиража²⁴. Но, разумеется, это могло дать лишь временный эффект. В 1863 г. «Вестник» спас от разорения киевский генерал-губернатор Н.Н. Анненков, приказавший подчинённым ему структурам выписать 200 экземпляров журнала, а в январе 1864 г. добившийся от МВД

²¹ Еремеев С. По поводу свиток и хохломании // ВЮЗЗР. 1863. Апрель. Отд. 3. С. 4—6.

²² Письмо редакции «Вестника Юго-Западной и Западной России» в редакцию львовской газеты «Слово» по поводу помещённой в сей газете статьи какого-то Кияна // ВЮЗЗР. 1862. Сентябрь. Отд. 4. С. 234.

²³ ОР РНБ, ф. 608, оп. 1, д. 4772, л. 1 об.—2.

²⁴ Там же, л. 2.

выделения редакции негласного пособия «с тем, чтобы весь расход на этот предмет был отнесён на процентный сбор с помещичьих имений в юго-западных губерниях»²⁵. Позднее субсидию выплачивал Виленский учебный округ²⁶. Однако когда в 1867 г. о ней написал «Виленский вестник», Ксенофонт Антонович разразился гневной отповедью: «Не знаем, право, на каком языке и объясняться с “тёзкой”, какие приводить ему резоны, чтоб он, наконец, понял, чтоб он убедился, что мы никакой субсидии, — ни денежной, ни в виде обязательной подписи, — *от главного управления края* не получаем; что *Министерство внутренних дел*, признавая пользу нашего издания и сознавая скудость средств присутственных мест Северо-западного края, только выписывает для них 200 экземпляров... но что такой мены продукта на деньги мы не считаем “субсидией” — по той же причине, по которой купец не считает подарком денег, полученных за купленный у него товар»²⁷.

Тем не менее вслед за Анненковым на помощь журналу пришёл именно виленский генерал-губернатор Муравьёв. Весной 1864 г. (вероятно, по рекомендации попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова, знавшего Говорского и во многом разделявшего его взгляды) Михаил Николаевич направил кн. Урусову записку, в которой не без драматизма описывал обстановку во вверенных ему губерниях: «События минувшего года обозначили ясно преступные цели враждебной правительству и России революционной польской партии. Дерзкие глашатаи мнимой свободы и отторжения от России, не довольствуясь возбуждением населения словом и делом к явному сопротивлению законной власти, старались посредством печатных брошюр, исторических заметок и статей в иностранных газетах и журналах увлечь легкомысленных и непросвещённых, посягая на древнее и неотъемлемое достояние России, и пытались доказать, что западный наш край принадлежит искони Польше и должен составлять с нею нераздельное целое... Кровавые события минувшего года служат доказательством, что они успели ложью и обманом достигнуть желанной цели». Это заставило вспомнить как про наличие в Вильне множества «не разработанных и не тронутых ещё памятников русско-литовской исторической старины», так и про то, что «не заявлено ещё достаточно живым русским словом настоящее и минувшее здешнего народа, не раскрыты глаза заблуждающимся и слепо верующим революционной публицистике». «Ввиду этого обстоятельства, — продолжал Муравьёв, — я пригласил редактора “Вестника Юго-Западной и Западной России” коллежского советника Говорского принять с некоторою поддержкою со стороны правительства редакцию и издание “Виленского вестника” и издаваемого при нём “Полицейского листка” и вместе с тем продолжить в Вильне издание “Вестник Юго-Западной и Западной России”»²⁸.

Благодаря главного начальника края за приглашение, Говорский просил об особых цензурных условиях, настаивая на том, что «издаваемый мною в Киеве “Вестник Юго-Западной и Западной России” будет продолжаться по-прежнему под моею редакциею в Вильне, и хотя он останется частным, не правительственным органом, но я обязуюсь подчинять предварительному контролю

²⁵ РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 89, л. 2, 6 об.

²⁶ Там же, оп. 4, д. 300, л. 16.

²⁷ Ответ редакции «Виленскому вестнику» // Вестник Западной России (далее — ВЗР). 1867. Октябрь. Отд. 3. С. 6—7.

²⁸ РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 300, л. 10—11 об.

Вашего высокопревосходительства, или указанных Вами лиц, статьи политического содержания, а равно и предназначенные к распространению в народе в виде отдельных оттисков». Кроме того, поскольку ««Вестник Юго-Западной и Западной России» в Киеве состоял под непосредственным покровительством киевского митрополита Арсения, то желательно было бы, чтобы с перенесением издания в Вильно он пользовался таким же покровительством Вашего превосходительства и чтобы для всех состоящих под моею редакцией изданий назначен был особый цензор»²⁹. Просьба была удовлетворена, и вплоть до назначения генерал-губернатором А.Л. Потапова цензура относилась к «Вестнику Западной России» весьма благожелательно. Так, в апреле 1865 г. наблюдать за ним поручили славившемуся своей снисходительностью П.В. Кукольнику³⁰. Однако с «Виленским вестником» Говорский не справился, и в дальнейшем газету, после изгнания оттуда А.К. Киркора, редактировали другие люди: сначала близкий корниловскому кружку А.И. Забелин, а с 1867 г. — его оппонент, «катковец» М.Ф. Де-Пуле³¹.

Изменив название и став органом сформировавшегося вокруг Корнилова «кружка виленских русификаторов», журнал Говорского по-прежнему публиковал документы XVI—XVII вв., отражавшие борьбу русского населения Великого княжества Литовского и Речи Посполитой с польским засильем. Более публицистический характер носили такие «исследования», как «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831—1863 г.» генерал-майора Ф.В. Ратча или работы Кукольника, посвящённые истории Литвы и Северо-Западного края.

Антипольские выступления журнала с самого начала вдохновлялись не столько этнонационалистическими, сколько антисловными мотивами и являлись продолжением полемики «старой русской партии» со сторонниками дворянского консерватизма и «аристократической партии»³². Позиция Говорского в этом противостоянии оставалась последовательно консервативно-демократической³³. «Аристократия, — утверждалось в журнале, — вообще как-то скоро способна делаться безразличною к интересам религии и вековым преданиям народной старины, если это кажется почему-либо выгодным для её сословных и родовых интересов»³⁴.

Когда к середине 1860-х гг. распространение русского землевладения было признано одной из главных мер по умиротворению западных окраин, Ксенофонт Антонович вступил в ожесточённую полемику с консервативно-аристократической «Вестью» и продолжавшим её дело (до бегства в Краков А.К. Киркора³⁵) «Новым временем». Редактор «Вестника Западной России»

²⁹ Там же, л. 4—4 об.

³⁰ LVIA, f. 1240, ap. 1, b. 224, l. 1.

³¹ Котов А.Э. М.Ф. Де-Пуле — редактор «Виленского вестника» // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 38—43.

³² Подробнее см.: Котов А.Э. Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862—1864 годы) // Научный диалог. 2019. № 8. С. 258—272.

³³ Подробнее см.: Котов А.Э. «Чад полонизма и смрад герценизма»: «Вестник Западной России» против классовой революции и сословной реакции // Тетради по консерватизму. 2020. № 2. С. 118—134.

³⁴ Материалы для истории гонения православных в бывших под властью Польши русских областях // ВЮЗЗР. 1863. Январь. Отд. 1. С. 18.

³⁵ Banaszkiewicz M.A., Koto A.E. Adam Honory Kirkor i gazeta «Nowoje Wriemia» — nieznana karta polsko-rosyjskiej historii intelektualnej // Przegląd Nauk Historycznych. 2021. № 1.

упорно доказывал, что главную роль в крае должны играть именно мелкие землевладельцы: «Для малорусского и белорусского мужичка чем крупнее пан, тем он отнесётся к нему недоверчивее и лукавее, тем труднее он поверит в его к себе снисхождение и дружелюбие... Его понятия о пане сложились так плотно, под внушением таких несчастных исторических явлений, что он с трудом отделит в своей голове идею крупного землевладельца русского от идеи пана польского, что он никогда не сократит в своём воображении того огромного расстояния, в каком находится его ничтожество от величия крупного землевладельца. А весьма легко может случиться, что какой-нибудь крупный землевладелец, социальные идеи которого развивались под обаянием геральдических традиций, слагавшихся в архиве 17 генераций, спесиво отнесётся к своим соседям, потребует от них густого курения своей особе, не только идеального, но и материального»³⁶.

Феодально-аристократическое начало Говорский считал злом, принесённым на русские земли архаичным шляхетским государством. Не случайно он перепечатал из «Московских ведомостей» статью М.В. Юзефовича, утверждавшего: «Я не враг польского племени и безразлично смотрел с братскими чувствами на всех поляков, пока не изучил и не понял исторического монстра, называемого шляхтой». Таким образом, единственной проблемой в русско-польских отношениях признавался «исключительно вопрос шляхетский»³⁷. Из «Русского инвалида» в «Вестник» попала заметка «*Polacy i indjany*», появившаяся ранее в одной из зарубежных польских газет. В ней «автор статьи, сам ревностный поляк, развивает мысль, что если Польша не изменит радикально своего общественного строя, то ей грозит та же самая участь, как индейцам, которые исчезали мало-помалу пред наплывом цивилизации». Говорский явно сочувствовал мнению поляка, видевшего в польской цивилизации явление «не нашего времени», а «осколок цивилизации минувшей и окончательно осуждённой историей»³⁸.

Несмотря на то, что первоначально в журнале звучали одобрительные отзывы о русификации католичества, во второй половине 1860-х гг. Говорский — вслед за своим покровителем Корниловым — постепенно склонялся к свойственному славянофилам и почвенникам отождествлению русского с православным. «Слова *русский* и *римо-католик*, или *русский папист*, суть слова несоединяемые между собою, — полагал он, — равно как и *железное дерево*, *огненный лёд* или *добрейший злодей*. *Русский и православный*: это синонимы»³⁹. Позже, воспроизводя в «Вестнике» выступление И.Д. Беляева на заседании антропологического отдела Общества любителей естествознания при Московском университете, где говорилось о том, что «великорусское племя... при помощи колонизации успевало местных инородцев переделывать сперва в полурусских, а потом и в русских людей, позволяя им свободный доступ в своё общество, с одним непременным условием — принятия православной веры, которая у великорусского племени всегда считалась первым и невозвратным шагом инородца к полному братству с русскими», Говорский добавил приме-

³⁶ Крупные и мелкие землевладельцы в Западной России // ВЗР. 1866. Август. Отд. 3. С. 31.

³⁷ Юзефович М.В. Что такое шляхта (из «Московских ведомостей») // ВЗР. 1865. Апрель. Отд. 4. С. 173—174.

³⁸ Поляки и индианы (из «Русского инвалида») // ВЗР. 1865. Май. Отд. 4. С. 274—275.

³⁹ Несколько слов к уроженцам и жителям юго-западной и северо-западной России, называющим себя поляками // ВЗР. 1866. Октябрь. Отд. 3. С. 5.

чение: «Обратите внимание на это обстоятельство, отделяющие православие от русской народности»⁴⁰.

Таким образом, решению польского вопроса в Западном крае должно было способствовать не предлагавшееся М.Н. Катковым «разделение католицизма с полонизмом»⁴¹, а наоборот, издание православной литературы на польском языке. За это, в частности, ратовал в «Вестнике» Д. Гродвицкий, представившийся как «поляк по рождению, православный по крещению и русский по убеждению»: «Во имя чрезвычайной, все-славянской пользы мы заявляем мнение о необходимости религиозного единения поляков с русскими для нравственного объединения разъединённых элементов славянских сил, для исправления и указания настоящего пути к счастью польской нации, поражённой язвою римства, как раком. Надеемся, что здравомыслящие поляки-патриоты порадуются этой спасительной мере и помогут осуществлению её, по мере сил»⁴².

Другой автор выражал сомнение в том, «действительно ли существует такое радикальное противоречие в религиозных верованиях и убеждениях между русским и польским *народом*, какое стараются навязать нам наши доброжелатели». Он даже допускал, что, «может быть, в них-то, в этих массах простого народа, не искушённых хитростью всезнания, и сохранилось до сих пор единство того христианского учения, которое не знало разделения церквей и было всеобщее, *едино* и повсюду *православное*». В этом его убеждали личные наблюдения: «Нам неоднократно случалось встречать в наших русских храмах на молитве крестьян и крестьянок польских. На вопрос, почему они пришли в нашу церковь, а не в свой костёл, они обыкновенно отвечали: “До костёла от нас далече... все мы такие же христиане”». Таким образом, «моральное сближение» признавалось возможным и необходимым, стоило лишь Польше отречься от шляхетского прошлого и «не строить воздушных замков, когда в доме течёт крыша». «Да и вообще, — заключал публицист считавшегося консервативным журнала, — гордиться прошлым, кому бы то ни было, стоит ли? Человечество идёт вперёд, и настоящее во многом лучше прошлого, потому что оно есть результат его, металл, очищенный огнём минувших испытаний. Прошлым может гордиться только падшая личность, у которой уже недостаёт живых сил для дальнейшей деятельности и остаётся одно жалкое утешение — жить воспоминаниями о промотанном счастье»⁴³.

Редакция «Вестника» вовсе не отрицала ценности прогресса, но стремилась придать ему национальные черты. Так, один из авторов журнала рассуждал: «Неужели, как уверяют иностранцы, полудцивилизация испортила нас до костей? Нет, мы не испорчены, кости наши целы, кожа только потрепалась от немецкого лоска. Очистим же русское поле от иноземных плевел, засеём его русскою пшеницей — и чернозёмная сила возьмёт своё; преобразуем немецкие наши заведения в русские училища... Для нас всё ещё впереди. Пойдём же живее, ребята! От начальства задержки нет; тихий шаг уничтожен; введён шаг беглый!»⁴⁴. Разумеется, «Вестник» поддерживал реформы 1860-х гг. и, в част-

⁴⁰ Что такое великорусское племя? — из каких элементов составилось оно и как образовалось? // ВЗР. 1866. Декабрь. Отд. 4. С. 297.

⁴¹ Котов А.Э. «Русское латинство» 1860-х гг. как элемент идеологии бюрократического национализма // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 122—136.

⁴² Гродвицкий Д. Вопрос и ответ // ВЮЗР. 1863. Октябрь. Отд. 4. С. 13.

⁴³ Толс... Ал. Кое-что о народностях русской и польской // ВЗР. 1865. Июнь. Отд. 4. С. 359, 361—363.

⁴⁴ Письма из западного края // ВЗР. 1865. Январь. Отд. 3. С. 341.

ности, преобразования, проводившиеся в Западном крае и Польше. В 1865 г. журнал перепечатал из «Русского инвалида» статью, защищавшую политику Н.А. Милютина от обвинений в социалистических тенденциях: «Ещё реформа только начала и, не имея об её ходе никаких положительных сведений, кроме злонамеренных толкований той самой шайки людей, которая причинила недавно страшные бедствия своему отечеству, вы ищите в ней каких-то социалистических тенденций. Не социалистическим, а социальным характером отличается она, и в этом заключается великое её достоинство, сравнительно со всем, что предпринималось было для Польши с конца XVIII в.»⁴⁵. Высоко оценивал журнал и результаты деятельности местной администрации: «Вообще, отрадно русскому человеку находиться теперь в стенах города Вильны, где на каждом шагу слышишь русскую речь, где существуют русские школы, русский театр, русский дворянский клуб, и где русская жизнь проникает повсюду. Этот жизненно бьющий ключ русской народности, широкою струёю разливающийся по всему Северо-Западному краю, родственным союзом скрепит навсегда неразрывную связь его с остальной русской землёй. Теперь уже каждый проникается той мыслью, что благоденствие страны обуславливается тесным, нелицемерным, братским соединением с братьями во внутренней России. Сильный этим единством, край здешний будет плодотворно подвигаться на пути гражданского бытия, не нуждаясь в чужих симпатиях, ни опасаясь чужого недоброжелательства»⁴⁶.

Ещё ярче те же идеи и образы звучали в стихах Кулжинского, также принадлежавшего к кружку Корнилова:

«Наконец-то, наконец,
В стародавнем русском крае,
Что очнувшийся мертвец,
Раздаётся речь родная.
И несётся заливная
Наша песня... С дальних мест,
Возносясь над небесами,
Над литовскими лесами,
Православный русский крест,
Вновь блестит, что солнца луч,
Светел, дивен и могуч!
Здравствуй, Русь! Четыре века
Не видались мы с тобой, —
Волей злого человека
Разлучённую сестрой!
От Ягелла ренегата,
Свой предавшего народ,
Игу римского разврата,
Как несчастьем ты богата!..
Но пришёл и твой черёд,
И твоё настало время —

Свергнуть рабства стыд и бремя,
Жизнью новою зажить,
Зло минувшее забыть.
Заживём же вместе с нами,
И по жизненным волнам,
Подо всеми парусами
Понесёмся... Станут нам,
Сторонясь, дивясь, народы
Путь давать для той свободы,
К какой идём со отцом —
С русским соколом-царём.
Заживём же на просторе,
Сбросим с плеч бывшее горе,
Братски-дружной и родной,
Заживём семьёй одной,
Раны старые залечим,
Зло крамолы в прах размечем,
Так чтоб не было следа,
Что была страда-беда,
И с молитвой чистой к Богу,
В путь-дорогу, в путь-дорогу!»⁴⁷

⁴⁵ Заметка о Вильне с.-петербургского путешественника (из «Русского инвалида») // ВЗР. 1865. Январь. Отд. 4. С. 444.

⁴⁶ *Москвич*. Впечатления туриста в Вильне // ВЗР. 1865. Январь. Отд. 4. С. 446.

⁴⁷ *Кулжинский И.Г.* 1 мая 1866 г. в г. Вильне // ВЗР. 1866. Октябрь. Отд. 4. С. 67—68.

Тем временем в 1866 г. «Московские ведомости» начали кампанию против «виленских клерикалов», считавших православие главным критерием русскости. К ней присоединился и «Виленский вестник», редактировавшийся с 1867 г. «катковцем» Де-Пуле. Естественно, Говорский не мог остаться в стороне от полемики. Ему казалось, что обвинения в клерикализме «решительно неуместны в нашей прессе — в применении к нашему духовенству». Ведь «под именем клерикалов нужно разумеать людей с индивидуальными политико-религиозными стремлениями и действиями. Клерикальная партия есть партия всегда реакционная, сепаративная, революционная, оппозиционная. Цели этой партии никогда не бывают чисто религиозными; религия только изредка служит предлогом, прикровом тенденций политических... Она может организоваться только из среды папистов; клерикальная партия и ультрамонтанская — синонимы». Напротив, православный священник — «служитель Христов, представитель религии, учитель народа, совершитель таинств, и только. Далее духовной миссии деятельность его не простирается: от политических реакций, от интриг административных, от всего, что носит печать партии, он удалён на неизмеримое расстояние»⁴⁸.

Не обошлось при этом и без привычной для близких к корниловскому кружку изданий критики Каткова: «Стоя твёрдо на почве патриотической, “Московские ведомости”, кажется, не знают участия, какое должна принимать в этом прекрасном чувстве религия: к религиозной, самой существенной стороне западно-русского вопроса они относятся весьма смутно; оттого и патриотизм их в этом случае выходит каким-то отвлечённым, лишённым самой твёрдой и определённой точки опоры, похожим на чувство безотчётное, хоть и прекрасное»⁴⁹. Особенно задело Говорского выражение «мрачное сонмище», которым «виленских клерикалов» наградили столичные газеты: «Если этот эпитет понимать в точном его значении, то он как будто нарочно и сочинён для того сонмища, к которому принадлежит Н., разные *русские*, незнакомцы, старожилы и другие личности тёмные, трушобные, “мрачные”. Не тех нужно отнести к “мрачному сонмищу”, которые стоят и действуют открыто, честно, которые не имеют причин прятаться со своими именами и убеждениями за разными лжеименами (псевдонимами), которых мысль и чувство ясны, как безоблачное, полуденное небо, которых девиз — счастье России, процветание православия, возрождение Западного края; а тех, которых имена, генеалогии, национальности, религии покрыты “мраком” неизвестности, которых ум и сердце соперничают друг с другом в мраколюбии желаний, мыслей, стремлений»⁵⁰.

Конец 1860-х гг. стал временем заката «Вестника». В конце 1867 г. журнал приветствовал прибытие в край бывшего помощника Муравьёва А.Л. Потапова и с восторгом цитировал его обращение к «тутейшим» поселянам: «Обработывайте вашу землю и тщательно засевайте все ваши участки; засыпайте запасы хлеба; учитесь сами по-русски и посылайте в народные школы учиться русской грамоте ваших детей, так как вы все русские. Знайте, что здесь — кроме русского начала — другого ничего и быть не может»⁵¹. Однако, заняв в марте 1868 г. генерал-губернаторский пост, Потапов сразу же приступил к пересмотру преж-

⁴⁸ Неудачное и обидное *qui pro quo* // ВЗР. 1867. Февраль. Отд. 3. С. 13—15.

⁴⁹ Оригинальные письма (окончание) // ВЗР. 1867. Декабрь. Отд. 3. С. 40.

⁵⁰ Там же. С. 40—41.

⁵¹ Прибавление (из «Виленского вестника») // ВЗР. 1867. Ноябрь. Отд. 4. С. 206.

ней «муравьёвской системы»⁵². После «разгрома» им корниловского кружка журнал остался без покровителей в Вильне, но не лишился субсидии, так как явно не представлял угрозы для новой администрации.

И в этот момент неожиданный удар ему нанесли славянофилы. «Современные известия» Н.П. Гилярова-Платонова⁵³ напечатали анонимное письмо, содержащее — наряду с описанием курьёзных происшествий и городских сумасшедших — весьма язвительную характеристику «Вестника Западной России» как малоизвестного издания, распространяемого по принудительной подписке. «Вы, конечно, не знаете такого журнала, — иронизировал автор, — а мы так знаем, потому что сей баловень уездной музыки сваливается к нам без всякого нашего чаяния и прошения, как некогда манна с неба, с тою, впрочем, разницею, что вслед за бумажною манною Ксенофонта Говорского следует взимание приличной подписной платы». Далее прозрачно намекалось на скудость содержания и неаккуратность выхода номеров, редактору припомнили и грубость тона, и униатское происхождение, и склонность к саморекламе: «Дают они хорошенького понемножку, книжечками весьма жиденькими, вдобавок ещё совершенно извращающими времена года. Самая же эта литература в них преимущественно заключается в постоянных ревнивых категорических заявлениях, что польский вопрос давно уже решён, решён окончательно и именно первым им и именно в его журнале... Что Страхов, Коялович, Катков, только так себе, а главный и первый решитель — он, Говорский»⁵⁴.

На выпад в московской «простонародной» газете «поневоле» пришлось отвечать, жалуясь на газетные нравы: «Наша периодическая пресса отличается беспримерным в истории литературы террором. Подстрекаемое самомнением, упорством, завистью, невежеством, желчным настроением духа, — нетерпение наших публицистов достигает нередко такого пароксизма задора, в котором не обращается уже внимания на чувство приличия, достоинство печатного слова и даже здравый смысл. В этом умоисступлении всё идёт в строку: и обмолвка, и опечатка, и физиономия антагониста, и его поведение, его семейные и социальные отношения и проч. Едва ли найдёте в нашей прессе два периодических издания, которые не вели бы друг с другом самой упорной междоусобной войны; мирно уживаются только “Московские ведомости” с “Современною летописью” и “Русским вестником”, “Отечественные записки” с “Голосом”, “Биржевые ведомости” с “Вечернею газетою”; причины этого миролюбия не требуют пояснений»⁵⁵.

Упрёки, брошенные ему в корреспонденции «Современных известий», Говорский объяснял исключительно завистью и несправедливостью. Между тем он обращал внимание на то, что «собственно польского вопроса *теперь* нет и быть не может», причём «вопрос этот решён уже давно, а теперь существуют только польские *мечты*, агитации или притязания». Тогда как «вопрос... предполагает сомнение или раздвоение следующей мысли». Не отказывался Ксенофонт Антонович и от своей роли: «Как бы то ни было, только в деле разъяснения и обличения польских притязаний, особенно последних, мы, при

⁵² Подробнее см.: Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 241—329.

⁵³ См.: Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850—1880-х годов. СПб., 2018.

⁵⁴ Из Вильны // Современные известия. 1869. № 288. 20 октября. С. 2.

⁵⁵ Polemika поневоле // ВЗР. 1869. Октябрь. Отд. 3. С. 1.

всей нашей скромности, никому не можем уступить места: ни в инициативе, ни в компетентности, ни в объёме, ни в категоричности, неизменности и искренности убеждения и воззрения. Прожив полвека среди людей, с притязаниями которых мы боремся; получив достаточную для нашей миссии научную подготовку; семь лет противопоставляя польской агитации разностороннюю реакцию, мы заняли в борьбе с латинополизмом ту позицию, с которой не могут нас сбить ни завистливые пререкания, ни грошовое остроумие»⁵⁶. Впрочем, задетый за живое редактор и сам пытался острить, хотя получалось это у него как всегда грубовато и неуклюже: «Если ежедневная газета не удовлетворяет современности, тогда она скорее может быть названа археологическою компиляцией, чем ежедневником, вестовщицей сегодняшних явлений жизни. В этом отношении газета г. Гилярова-Платонова хромает на обе ноги: её можно, пожалуй, назвать *“Известиями”*, но весьма редко — *“Современными”*: новости её весьма часто припахивают, появляются в *“Известиях”* с проседью уже и морщинами, пробавляются давно забытыми курьёзами и необычайностями, перебиваются сплетнями, перешагнувшими из палат в лачуги, спустившимися из будуаров в сутерени (подвалы. — А.К.), порхнувшими из салонов на толкучку, в распивочную и проч.»⁵⁷.

Тем не менее Говорский не мог не чувствовать, что от его антипольских филиппик устала и власть (теперь, при Потапове, уже им не сочувствовавшая), и читающая публика. Разумеется, на привлечение польской аудитории редакции рассчитывать не приходилось, критика со стороны столичной прессы неизбежно дискредитировала журнал в глазах русских читателей, да и общественный подъём, сопровождавший подавление мятежа 1863 г., практически иссяк. В этих условиях обращение к широким массам виленского еврейства, среди которого были распространены русофильские настроения, оставалось единственно возможным шагом.

Но для этого требовались иные сюжеты, и Ксенофонт Антонович стал активно наполнять журнал материалами, посвящёнными еврейскому быту. Будучи женат на еврейке, он и раньше не был равнодушен к этой теме⁵⁸. Первоначально «Вестник» поддерживал катковские идеи предоставления евреям равноправия со всеми прочими русскими подданными при политической и языковой их ассимиляции. Характерно, что, полемизируя с защищавшими простонародную одежду славянофилами, С. Еремеев отмечал на страницах журнала: «Посмотрите на наших евреев. До 1842 года они носили старинный свой костюм, не изменяя его ни на йоту. До этой эпохи они крепко держались и всех старинных обычаев, и предрассудков, со всем окружающим их обществом не имели ничего общего, кроме меркантильных дел, — жили особняком. Но когда было приказано изменить костюм их на общеевропейский, посмотрите, какой произошёл с ними метаморфоз! Они стали учиться; входить во все общества, несмотря на существующие ещё у некоторых против них старые предубеждения; пустились в литературу; интересы страны более или менее интересуют и их, и нет сомнения, что со временем они сделаются весьма полезными и деятельными членами общества»⁵⁹. Позднее, говоря об успехах «системы Му-

⁵⁶ Там же. С. 2—3.

⁵⁷ Там же. С. 6—7.

⁵⁸ Из посмертных бумаг Могилёвского архиепископа Анатолия Мартиновского // Киевская старина. 1884. № 6. С. 213; Цвікевіч А. Указ. соч. С. 20.

⁵⁹ Еремеев С. Указ. соч. С. 7.

равьёва», в журнале указывали на то, что «ещё два года назад от евреев в Литве нельзя было добиться ни одного русского слова, а теперь они стараются говорить по-русски: во всех школах, особенно раввинском училище, преподавание принято на русском языке... Если с такой же энергией будет продолжаться это дело, то, можно надеяться, в скором времени еврейское население городов Западной России будет отличаться от русского только религиею»⁶⁰.

Во время польского восстания «Вестник» опубликовал колоритный рассказ белостокского иудея П. Шифа о том, как в местечке Тржцаны повстанческий отряд «жандармов-вешателей» потребовал выдать им сотрудничавших с русской администрацией жителей. Тогда «евреи, видя своё отчаянное положение, недолго думав... выступили против мятежников, схватили одного из них, а остальные успели спастись бегством». Затем «мятежники прислали одного из них с предложением перемирия и с требованием выдачи пленного; но евреи, проникнутые сознанием долга и святости присяги, с презрением отвергли это незаконное предложение, связали парламентаря и с нетерпением ожидали прибытия войска, опасаясь нападения большей шайки... Когда казаки издали увидели жителей м. Тржцаны, вооружённых кольями, кочергами и поленьями, то сочли их за поляков, а евреи, считая казаков за новоприбывших мятежников, смело выступили против них с громким ура! — но когда сблизилась, то узнали друг друга, подали дружескую руку и со слезами радости благодарили своего царя за то, что он не оставил своих подданных». От этого эпизода Шиф переходил к широким обобщениям и призывал: «Кто зорко следит за быстрым перерождением нашего отечества как в политическом, так и в гражданском отношениях, тот, конечно, согласится, что виновником этого отрадного явления была отеческая заботливость ныне царствующего государя императора... Под сению монарха нашего мы покоимся мирно и безмятежно, яко Израиль во дни Соломона. Читая историю Польши, вы припомните страшные злодеяния поляков, которые, подобно древним египтянам, хотели истребить всё наше племя; но Всевышний десницею своею спас нас от руки этих сынов чуждых! В лице царей русских мы видим Моисея и других древних вождей народа израильского, мудро управляющих своим народом... Каждый истый русский еврей носит в сердце горячую благодарность царю за его милости... Итак, любезные братья мои, усугубите, если это возможно, свой русский патриотизм: делом и словом преследуйте мятежников... Пора забыть закоснелые религиозные расчёты, которые разделяли нас от русских наших собратьев; пора братскою кровью скрепить вечный и неразрывный союз и кровью жертвовать за царя и отечество наше — Россию»⁶¹.

Вместе с тем на страницах «Вестника» появлялись и антисемитские тексты. Так, в статье Г. Палеолога еврейское население западнорусских земель обвинялось в нарушении «размеров торгового баланса и потребностей нации», в поиске «прав сословных» и равнодушии «к нашим государственным интересам»⁶². В следующем номере поддержанный сочувственными комментариями

⁶⁰ А. С. Русская Вильна // ВЗР. 1865. Апрель. Отд. 4. С. 173.

⁶¹ Воззвание белостокского еврея Пинеаса Шифа к своим единоверцам, по поводу восстания польских мятежников // ВЮЗЗР. 1863. Июль. Отд. 4. С. 114—115.

⁶² Палеолог Г. Взгляд на положение евреев в нашем обществе // ВЗР. 1866. Апрель. Отд. 3. С. 18—20.

редакции тот же автор прямо полемизировал с «Московскими ведомостями», традиционно выступавшими за «освобождение евреев от стеснений»⁶³.

Однако гораздо чаще «Вестник» свидетельствовал о лояльности местной иудейской общины. Так, после выстрела Каракозова констатировалось, что «виленские евреи отнеслись к событию, поразившему и обрадовавшему Россию, так же сочувственно, как и все другие сыны её»⁶⁴. А в следующем номере была помещена речь местного раввина Штейнберга, призывавшего: «Возлюбите же, милые братья, ваше русское отечество всем сердцем, всею душою, потому что и вы — дети его наравне с прочими его сынами»⁶⁵.

С 1867 г. в журнале печаталось несколько постоянных авторов еврейского происхождения и вполне определённого направления. Так, в «Дневнике еврейского зрителя училищ» Л. Пахман сетовал на то, как трудно ему было «начать дело с ретроградными упорными единоверцами», и вспоминал, как «отправился на ту сторону местечка, где видел вывеску с русскими буквами, т.е. в то счастливое место, откуда распространяется современное русское образование для N-ского еврейского юношества»⁶⁶. Л.М. Копуст настойчиво предлагал высмеивать традиционный еврейский быт: «Совершенно другие результаты, по-моему, будут, если евреи узнают, что и в христианских журналах издеваются над ними; авось они устыдятся, авось подумают: “в самом деле, к чему нам самим давать нашим клеветникам (Бог с ними!) предлог подтрунивать над нами” и сбросят с себя это проклятое хасидийское ярмо, чего мы от всей души желаем»⁶⁷.

В 1870 г. в «Вестнике» положительно оценили книгу Я. Брафмана «О вновь вышедшей в свет книге кагала». Рецензент увидел в ней «резкий, вопиющий протест против кагального правления несчастной массы еврейского народа, оплётанной и попранной в своих неотъемлемых, человеческих правах»⁶⁸. Наконец, на страницах «Очерков современного быта Западного края» с симпатией изображался торговец Л.А. Вайнтройб, проникновенно вспоминавший про осаду Севастополя⁶⁹.

Однако к этим текстам Говорский уже не имел отношения. В апреле 1870 г. виленский цензор П.И. Небольсин сообщил в Главное управление по делам печати: «Редактор “Вестника Западной России” г. Говорский, вследствие совершенного расстройства умственных способностей, выбыл в Петербург, редакторство сего полуофициального издания, получающего субсидию от Святейшего Синода и Виленского учебного округа, принял на себя статский советник Эремич, бывший с самого начала выхода журнала (1862) официально признанным сотрудником и соредактором г. Говорского. Несмотря на неотъемлемое право г. Эремича на принятие редакции и издания “Вестника”, я тем не менее счёл долгом потребовать от г. Эремича письменный отзыв, на каком

⁶³ Палеолог Г. Взгляд на положение евреев в нашем обществе // ВЗР. 1866. Май. Отд. 3. С. 129.

⁶⁴ Вильна, 5 апреля 1866 // ВЗР. 1866. Июль. Отд. 4. С. 141.

⁶⁵ Слово, сказанное в главной виленской синагоге общественным раввином г. Штейнбергом 17 апреля 1866 года // ВЗР. 1866. Август. Отд. 4. С. 167.

⁶⁶ Пахман Л. Из дневника одного еврейского зрителя училищ 1-го разряда // ВЗР. 1867. Март. Отд. 4. С. 353—354.

⁶⁷ Копуст Л.М. Воспоминание о недавнем прошлом (картины из еврейского быта) // ВЗР. 1867. Июль. Отд. 4. С. 11.

⁶⁸ Братин Я. О вновь вышедшей в свет книге кагала, соч. Я. Брафмана // ВЗР. 1870. Май. Отд. 3. С. 11.

⁶⁹ Очерки современного быта Западного края // ВЗР. 1870. Сентябрь. Отд. 4. С. 288.

основании он принимает издание на себя, каковой отзыв при сем имею честь препроводить»⁷⁰. В нём И.О. Эремич указывал: «По случаю болезни сердца, расстройства умственных способностей и выезда в Петербург г. Говорского, я счёл себя обязанным стать на его место»⁷¹.

23 апреля 1870 г. «Санкт-Петербургские ведомости» перепечатали из «Виленских губернских ведомостей» объявление о долгах, «угрожающих злосчастному труженику-патриоту и его семейству остаться на всю последнюю жизнь без всяких средств к существованию». От имени семейства бывшего редактора оно убеждало подписчиков «Вестника», не спешивших его оплачивать, «немедленно выслать» соответствующую сумму, дабы избежать «неприятных для обеих сторон хлопот по взысканию не заплаченных ими за полученный журнал денег»⁷². Но два дня спустя газета напечатала обращение самой Юдифи Говорской, утверждавшей, что ей «не известна ни сумма долгов, лежащих на редакции “Вестника Западной России”, ни денег, следующих от разных мест и лиц», поскольку ни она, ни другие родственники Ксенофонта Антоновича «никогда никакого участия в делах её не принимали». «Посему, — заключала Говорская, — при переходе редакции “Вестника” во время болезни моего мужа, также без всякого с моей стороны участия, в другие руки, я не считаю себя обязанною ни перед кем из прежних подписчиков или кредиторов его, а тем менее имею право взыскать к должникам журнала об отсылке в редакцию денег»⁷³. Эремич попытался изложить в «Санкт-Петербургских ведомостях» свою версию случившегося, но его проигнорировали, после чего Иван Онисимович тщетно добивался от Главного управления по делам печати, чтобы оно приказало опубликовать данное объяснение, надеясь «тем хотя отчасти ослабить тот вред моральный и материальный, какой нанесла эта газета мне и моему делу напрасной перепечаткой имевшего местное значение моего заявления и словесного, противного истине возражения на него, подписанного Ю. Говорскою, в свою очередь перепечатанного в некоторых здешних газетах с обидными для меня комментариями». Соответствующего распоряжения не последовало — новому редактору рекомендовали обратиться в «надлежащее судебное учреждение»⁷⁴.

Продолжить прежнюю редакционную политику Эремич также не смог. В марте 1871 г. Небольсин не пропустил роман «Ханжа» и повесть о жизни иудеев «как не соответствующие условиям утверждённой правительством для “Вестника Западной России” программы». После этого в Главное управление по делам печати обратился воспитанник Виленского раввинского училища VII класса М. Вольпер, заявивший от лица «прогрессивных виленских евреев молодого поколения» о потребности «вразумить массы невежественных, замкнутых в себе и коснеющих в давно прошедших предрассудках» соплеменников с помощью публикации «критико-юмористических рассказов из еврейского быта»⁷⁵. Это обращение осталось без рассмотрения, и 16 марта Эремичу пришлось самому жаловаться на «неожиданные и невыразимые стеснения

⁷⁰ РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 300, л. 16.

⁷¹ Там же, л. 17.

⁷² Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 110. 23 апреля. С. 2.

⁷³ Там же. № 112. 25 апреля. С. 2.

⁷⁴ РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 300, л. 21—22.

⁷⁵ Там же, л. 25, 26.

к продолжению моей литературной деятельности» со стороны Небольсина⁷⁶. Одновременно он объяснял повышенный интерес журнала к еврейской тематике: «Желая по мере моих средств озарить светочем современного прогресса и цивилизации невежественные и изолированные массы рассеянного в здешнем крае еврейского населения, я пригласил некоторых более даровитых евреев молодого поколения помещать в моём издании рассказы из еврейского быта, в которых были бы верно обрисованы закулисные стороны жизни евреев, в надлежащем свете представлены их религиозные и бытовые предрассудки, суеверия, примеры всяческой эксплуатации окружающей среды и в которых староверы иудаизма стыдились бы видеть свои портреты и постепенно эмансипировались. Таких рассказов много было помещено в моём издании»⁷⁷. При этом Небольсин останавливал и другие материалы, включая даже библиографическую заметку об очередном сборнике М.О. Кояловича⁷⁸. Поэтому Эремич просил «внушить неопытному ещё г. цензору более иметь доверия к моей опытности, прирождённым мне и окрепшим в школе жизни и дела религиозно-политическим консервативным началам и убеждениям, вследствие которых я морально не способен к нарушению цензурных постановлений»⁷⁹.

Последнее утверждение особенно расстроило Небольсина, писавшего в конце марта: «Ныне г. Эремич в прошении своём излагает мысль, что будто бы только один он должен считаться компетентным истолкователем этой программы. Но весьма определительная точность её... противоречит этой мысли г. Эремича. А что самовольный переход положенных границ есть дело нешуточное, на это указывает карательная мера, назначенная законом... всякому редактору-издателю, помещающему в своих журналах статью, выходящую из пределов утверждённой для его издания программы, грозя в то же время и цензору, допустившему это, неприятными последствиями»⁸⁰. В итоге Главное управление всё же сочло, что «программа “Вестника” не исключает возможности помещения в нём беллетристических произведений, следовательно и таких, содержание которых было бы заимствовано из еврейского быта»⁸¹.

Однако Эремичу это не помогло. 31 мая он уведомил Главное управление: «Крайне расстроенное моё здоровье, по мнению медиков, требующее неотложного продолжительного пользования и полного отдохновения от умственных занятий, вынуждают меня прекратить на неопределённое время издаваемый мною журнал “Вестник Западной России”»⁸². Ненадолго пережил своё детище и сам К.А. Говорский, скончавшийся 17 июня 1871 г.

⁷⁶ Там же, л. 51.

⁷⁷ Там же, л. 51 об.

⁷⁸ Там же, л. 52.

⁷⁹ Там же, л. 52 об.

⁸⁰ Там же, л. 60 об.

⁸¹ Там же, л. 63.

⁸² Там же, л. 71.